

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00001

УДК 94:343.812(470.2)

**ТЮРЬМЫ ИМПЕРИИ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОЙ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности формирования пенитенциарной системы в Олонецкой губернии. Выявлены основные проблемы, существовавшие в порядке функционирования тюрем в провинции. Показаны способы взаимодействия различных ведомств в совершенствовании деятельности тюрем, перевоспитании и социальной адаптации заключенных. Изучены радикальные изменения, произошедшие в тюремной системе вследствие Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: наказания, девиантность, пенитенциарная система, губернский попечительный комитет о тюрьмах, тюрьма, стража, арестанты.

**PRISONS IN THE EMPIRE: SPECIFIC FEATURES OF THE RUSSIAN
PENITENTIARY SYSTEM IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES
(A CASE STUDY OF OLONETS PROVINCE)**

Pulkin M.V.

The article describes the basic laws of the penitentiary system's formation in the Olonets province. The author identifies main problems that existed in the operation of prisons in the province as well as the ways of interaction of various departments in re-education and social adaptation of prisoners. The changes occurred in the prison system as results of the February Revolution of 1917 were studied.

Keywords: punishments, deviance, the penitentiary system, the provincial guardianship committee on prisons, prison, guards, prisoners.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

Разнообразные социально-психологические проблемы «рождения тюрьмы» и функционирования пенитенциарной системы в контексте становления западной цивилизации рассматривались всемирно известными учеными-обществоведами [30]. Отдельные существенные аспекты функционирования мест заключения вполне объективно и со знанием дела изучались современниками событий [31, с. 189-194]. Российскими учеными-юристами создана общая картина существования отечественной системы исполнения наказаний и выявлены ее основные черты в различные исторические эпохи и в отдельных частях государства [1, с. 312-319; 6, с. 62-64; 29, с. 81-85; 32, с. 111-120 и др.]. Исследования проводились на основе немногочисленных опубликованных источников и трудов предшественников. Архивные материалы привлекались в крайне ограниченном масштабе. В целом, на сегодняшний день тюремная проблематика, в особенности повседневная жизнь обитателей мест лишения свободы, относится к числу слабоисследованных направлений исследований общественного сознания и государственных органов Российской империи.

Задача данной статьи заключается в выявлении наиболее существенных черт функционирования имперской пенитенциарной системы в провинции с опорой преимущественно на данные из Олонецкой губернии.

Известно, что значимым составным элементом деятельности городской полиции и связанных с ней организационных структур стали тюрьмы, арестантские помещения и прочие места лишения свободы, зачастую наскоро приспособленные для новых целей. Имеющиеся архивные и опубликованные источники сообщают о пенитенциарной системе в провинции с различной степенью подробности в зависимости от стадий ее становления. В

делопроизводстве XVIII – начала XIX в. имеются лишь отрывочные упоминания о петрозаводской и олонецкой тюрьмах.

Олонецкий исправник сообщал в 1802 г. губернскому правлению, что во вверенном его попечению городе исстари имеется «тюремная изба». Она построена «в давних годах» и в настоящее время состоит из трех отделений. Первое предназначалось для «содержания важных колодников», второе – «для женского пола и по неважным делам». Третье являлось «солдатской караульней» [23, л. 151]. Из имеющихся документов неясно, насколько длительное время существовала и каких размеров достигала старейшая в губернии тюрьма в разные периоды своего существования. В то же время материалы делопроизводства позволяют отчасти пролить свет на повседневную жизнь заключенных местной тюрьмы и на царящие в ней нормы поведения, нравы и традиции. Олонецкий полицейский руководитель утверждал в своих показаниях губернскому правлению, что он ежедневно напоминал караульным, находящимся при тюрьме, о том, «чтоб за колодниками иметь неослабное смотрение». В частности, «приходящих к ним людей для подаяния пищи и прочей милостыни, что им будет подаваемо, осматривали б, а самих их внутрь тюрьмы не допускали». Особенно запрещалось употребление спиртного стражниками и заключенными: «пьянства ж как караульные, колми паче колодники ни в какое время не имели» [23, л. 152].

Отрывочные данные показывают, что в начале XIX столетия в российских местах лишения свободы сохранялись патриархальные порядки. Контроль надзирателей над арестантами оставался минимальным. В 1802 г. Олонецкая палата уголовного суда рассматривала дело о бегстве из тюрьмы одного из крестьян. В ходе расследования выяснилось, что заключенного по небрежности отпустил «для приискания порук» один из охранявших его унтер-офицеров. Но представители судебной власти нашли иной, реальный и вполне предсказуемый аспект проблемы. Они распорядились, чтобы охраняющий арестантов страж порядка, «находясь в карауле и будучи посланным конвоем, наблюдал бы по должности своей пост исправно и не вдавался бы в пьянство».

Именно этот распространенный порок стал причиной, из-за которой «последовало и упущение того арестанта» [4, л. 3]. В 1838 г. Олонецкий уездный суд рассматривал дело о бегстве из-под стражи двух заключенных. Выяснилось, что один из них запросто «послал из бывших в тюрьме караульных рядового Якова Аксенова купить вина три штофа, водки французской полштофа и меду два штофа». После доставки напитков арестанты «весь тот день с караульными солдатами и унтер-офицером пили». Охранники «сделались пьяны, легли спать», что существенно облегчило арестантам обретение свободы [4, л. 3 об.].

Повсеместное улучшение положения дел в сфере тюремного строительства началось в период буржуазных реформ. Упорядочивать предстояло необычайно разветвленную систему учреждений. В начале 1880-х гг. в России насчитывалось 7672 места заключения (не считая полицейских арестных помещений) [3, с. 56]. В Олонецкой губернии, как и по всей стране, в тюремном деле происходили существенные изменения. В статье, опубликованной в местной прессе и посвященной постройке в губернском городе нового «тюремного замка», говорилось о несомненном прогрессе в этой важной сфере деятельности полиции. Прежде настоящий «тюремный замок» в городе отсутствовал. Заключенные находились в двух флигелях наспех переоборудованного здания, где ранее размещались присутственные места. Условия здесь оставались ужасными: «помещение крайне неудобно и тесно, заключенные скучены в грязных и зловонных каморках». Новая тюрьма оказалась значительно более комфортной для заключенных и удобной для исполнения должностных обязанностей надзирателями. Выстроенная в расчете за 30 арестантов, она при необходимости вполне может вместить и сотню человек. Здание обустроено таким образом, что в нем вполне возможно размещать как большие группы арестантов, так и одиночных заключенных. «При отделке дома обращено особенное внимание на устройство хорошего отопления и приняты меры против сырости и к доставлению всевозможных удобств заключенным» [7, с. 133].

Одновременно в 1870 г. по решению Олонецкого губернатора Арсеньева рассматривался вопрос об упразднении некоторых тюрем. Губернатор считал «полезным и вполне возможным» с целью сокращения расходов казны упразднить тюрьмы в Олонце и Пудоже, «в которых содержалось тогда арестантов в первой 19 и во второй 8 человек». Находящихся под следствием арестантов решили перевести из Олонецкой в Петрозаводскую, а из Пудожской в Каргопольскую тюрьмы. С упразднением тюрьмы в Повенце решили повременить «по отдаленности этого города от губернского и других уездных городов губернии и могущим вследствие того последовать затруднениям в пересылке арестантов в Петрозаводск» [5, л. 44].

Против надвигающейся сомнительной реформы (используя современную лексику, «оптимизации») в тюремной сфере решительно выступил Олонецкий губернский прокурор. Его поддержало Министерство юстиции, которое обращало внимание на «много неудобств и затруднений», которые появятся вследствие столь радикальных перемен в тюремном ведомстве. В тех случаях, когда следствие приостанавливается «на время до получения требуемых по делу сведений, до прибытия вызванных к спросу свидетелей, проживающих в других уездах и других губерниях, и по некоторым другим законным причинам, с закрытием Олонецкой и Пудожской тюрем, придется высылать обвиняемых арестантов в Петрозаводск и Каргополь». По этой причине придется осуществлять дорогостоящие перевозки подследственных «за 150 и 100 верст от места преступления и производства следствия и даже больше, если преступление совершено не в городе, а в уезде». Затем, с получением требуемых сведений, следователям Олонецкого и Пудожского уездов придется вновь вызывать к себе арестантов из Петрозаводска и Каргополя. Неизбежным отрицательным итогом преобразований будет «затруднение в производстве следствий». Негативным фактором станет и «задерживание свидетелей до прибытия арестантов». Наконец, возникает необходимость помещать обвиняемых в арестантских помещениях при Олонецком и Пудожском полицейских управлениях. В итоге там появятся такие же тюрьмы для

подследственных арестантов, но только в худшем виде, так как действующие места для временного задержания и отбывания наказания «устроены лучше и чище арестантских отделений при полиции» [5, л. 45].

По состоянию на 1884 г. в Олонецкой губернии имелось пять тюрем. Кроме губернского города места лишения свободы располагались во всех уездных городах, за исключением Пудожа и Повенца, где «вследствие незначительного числа арестантов» тюрьмы были упразднены. Их заменили более компактные арестантские помещения при уездных полицейских управлениях. Наиболее значительным во всей губернской пенитенциарной системе оставалось каменное трехэтажное здание Петрозаводской тюрьмы, построенное специально для содержания арестантов. Как указывалось в отчете местного городничего, городская тюрьма помещается в двух казенных каменных флигелях. Они находятся в хорошем положении, «ремонтное исправление оных делается постепенно». Здесь же имеется карцер – особое тюремное отделение «для содержания арестантов, приговариваемых к временному заключению за разные проступки». Эта незначительная часть местной пенитенциарной системы помещается «по найму в частном довольно хорошо устроенном доме» [20, л. 4].

В Каргополе тюремное здание было сооружено из упраздненного винного склада. В городах Олонце, Лодейном Поле и Вытегре «здания тюрем деревянные, одноэтажные, построенные в 1850-х гг.». Судя по обзору Олонецкой губернии за 1892 г., Вытегорская тюрьма «тесна и требует расширения, а службы при ней нуждаются в капитальном ремонте» [8, с. 41]. Аналогичные сведения сохранились о состоянии Олонецкой тюрьмы. Как указывал в отчете за 1850 г. местный городничий, тюрьма помещается «в общественном деревянном здании». Она явно «ветха и крайне тесна, а потому и признается необходимым устроить новую» [19, л. 51]. Вытегорская тюрьма также не соответствовала минимальным требованиям, существующим на момент составления документов. Как указывал в своем отчете местный городничий, она «по неимению особого здания, помещается временно при доме

купчихи Базегиной». Здесь же, в арендуемом местной властью помещении, были расположены и все другие уездные административные учреждения [18, л. 147]. В похожем состоянии оставалась к середине XIX в. и Пудожская тюрьма. Судя по отчету городничего, она помещается «в частном здании по найму». Местная тюрьма, «как по ветхости, так и по расположению внутренних комнат совершенно не удобна и опасна». Губернское начальство предполагало в ближайшее время обеспечить «устройство нового здания» [22, л. 243]. О Повенецкой тюрьме имеются аналогичные нелестные характеристики. Она размещалась в общественном деревянном доме, который «в ветхом и неудобном положении» [21, л. 276]. Серьезные проблемы имелись и в тюрьме, расположенной в губернском городе. Судя по отчету за 1893 г., в ней появилось женское отделение, приспособленное для одновременного размещения семи арестанток. Как показал опыт, отделение, в большинстве случаев, оказывалось непригодным для содержания всех отбывающих наказание, число которых могло достигать двадцати пяти. «Теснота женского отделения, помимо вреда для здоровья заключенных, вызывала, в видах правильного размещения по возрасту и роду преступлений, необходимость перемещения срочных арестанток в другие тюрьмы губернии» [10, с. 38].

Численность арестантов во всех городах губернии оставалась как незначительной, так и стабильной. Как следует из доклада старшего советника Олонецкого губернского правления Филонова в губернских тюрьмах в среднем по данным за 1897, 1898 и 1899 гг. содержалось: в Петрозаводской тюрьме 43 человека, в Олонецкой – 15, в Лодейнопольской – 14, в Вытегорской – 28, в Каргопольской – 27 арестантов [2, л. 46]. Согласно представлениям, бывшим в Российской империи в изучаемый период, возвращение заключенных к нормальной жизни становилось возможным благодаря «постоянному надзору», размещению их в камерах «по роду преступлений и обвинений». Тюремное начальство занималось «наставлением их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, занятием их приличными упражнениями и заключением провинившихся или буйствующих из них в уединенное место»

[28, с. 10]. Предметом особого внимания полиции, помимо статистики, стало поведение заключенных, которое стабильно характеризовалось тюремным начальством как вполне удовлетворительное. В отчете подчеркивалось также, что заключенные «с заметным вниманием относились к назиданиям и увещаниям духовенства» [8, с. 41]. Существенным изменением, призванным улучшить психологическое самочувствие арестованных, стало появление православных церквей при Петрозаводской, Вытегорской и Лодейнопольской тюрьмах. Местные священники регулярно произносили проповеди, делали «частные наставления и увещания» осужденных. На особом положении находилась тюрьма в губернском городе. Здесь трудился священник, целиком посвятивший себя духовному окормлению заключенных. Специфика его обязанностей состояла в том, что он, кроме «отправления богослужений и проповедничества», занимался катехизацией – обучением арестантов основным истинам православного вероучения [8, с. 48].

На содержание тюремных храмов, проведение богослужений и приобретение христианской литературы расходовались казенные средства и привлекались частные пожертвования. Одна из арестанток пожертвовала для украшения тюремной церкви серебряную ризу. Для нужд Вытегорского тюремного храма церковный староста приобрел «разные принадлежности», необходимые для проведения богослужений. В 1894 г. в тот же храм разными благотворителями пожертвованы священническое облачение и икона стоимостью 80 рублей [10, с. 38]. Полноценные церкви, судя по данным за 1894 г., имелись при Петрозаводской, Вытегорской и Лодейнопольской тюрьмах. «При прочих тюрьмах богослужение отправляется в камерах, имеющих значение часовен» [10, с. 38]. Духовенство заботилось об организации полноценных богослужений. Как видно из обзора губернии за 1905 г., при тюремной церкви в Вытегре силами осужденных был организован «отдельный певческий хор из любителей» [14, с. 37].

Внимательное отношение к деятельности белого духовенства, связанной с назиданием заключенных и совершению регулярных богослужений в

тюрьмах, предусматривалось действовавшим законодательством. С начала XIX в. такой порядок стал обязательным в пенитенциарной системе Российской империи [29, с. 81-85]. В начале XX в. источником происходил быстрый рост благосостояния тюремных храмов. Как указывалось в обзоре губернии за 1903 г., церкви при тюрьмах в Петрозаводске, Лодейном Поле и Вытегре содержались «в примерном порядке и должном благолепии» [12, с. 55]. Для «нравственного исправления» арестантов активно использовались различные средства, «закрывающиеся в богослужении в тюремных церквях, где они имеются», а также в часовнях-камерах. С целью церковного просвещения арестантов силами местного духовенства устраивались религиозно-нравственные чтения. В Петрозаводской и Вытегорской тюрьмах во время чтений использовались «туманные картины», создаваемые при помощи «волшебного фонаря». Еще одним средством благоприятного воздействия на заключенных стало самостоятельное чтение книг духовного содержания. Христианская литература выдавалась осужденным из имеющихся при всех тюрьмах библиотек. Благодаря пастырским усилиям большинство арестантов на первой и четвертой страстных неделях великого поста исповедовались и причащались Святых Таин [14, с. 56].

О здоровье арестованных заботился персонал больниц. Петрозаводская тюрьма располагала больницей на пять кроватей. При Вытегорской тюрьме существовал «приемный покой для больных, не требующих особого ухода» [9, с. 57]. Судя по отчету за 1903 г., в серьезных случаях нуждающиеся в медицинской помощи заключенные отправлялись в земские больницы [12, с. 55]. Важным элементом повседневного обихода арестантов в конце XIX в. стало обязательное привлечение их к труду на благо общества. Тюремные власти Российской империи в конце XIX в. особое внимание уделяли обеспечению заключенных общественно полезной работой. Циркуляр Главного тюремного управления Министерства юстиции от 1895 г. определял, что труд «благотворно влияет на физическое состояние арестантов». Не менее важна и другая сторона проблемы: посильный труд заключенных «в значительной

степени служит увеличению средств тюрем» [27, с. 204; 17, с. 258-259]. Олонецкая губерния не стала исключением из общего правила. Объем работ, выполняемых местными заключенными, постоянно увеличивался. Их труд «вне тюремной ограды» заключался «в сенокосе, жатве хлеба, распиловке бревен и дров, плотничьих работах, нагрузке и выгрузке барок, обработке тюремных огородов, земляных работах и в очистке улиц в городах». Имелся обширный список внутренних работ. Они состояли в шитье одежды, белья и обуви для нужд тюрем губернии, плетении рыболовных сетей, мочальных лаптей, ковриков и кульков для провизии. Иногда заключенные занимались приготовлением пеньки для канатов, переплетом книг и исполняли иные необходимые «домашние работы» по тюрьме [10, с. 38].

Составители обзора Олонецкой губернии за 1894 г. сочли необходимым особенно подчеркнуть значение работ, к которым привлекались заключенные, для их перевоспитания и успешной социальной адаптации после отбывания сроков заключения. Указывалось, что регулярные тюремные работы благотворно действуют на «нравственную сторону заключенных». Они «в общем вели себя хорошо», беспрекословно исполняли приказания начальства. Признаком грядущего исправления лиц, лишенных свободы, стало участие в церковной жизни. Осужденные «со вниманием выслушивали духовно-нравственные назидания духовенства». Многие арестанты обучались различным ремеслам. После освобождения из тюрьмы они успешно адаптировались к жизни на свободе: открывали мастерские, нанимали рабочих и честным трудом зарабатывали на жизнь [10, с. 41].

По состоянию на август 1891 г., как указывал в своем рапорте в адрес каргопольского исправника начальник местной тюрьмы, «по заведенному раз навсегда порядку» для арестантов были организованы регулярные «внешние частные работы». Осужденные, отправляясь на работу в летнее время в 6 часов утра, обычно возвращались в тюрьму обедать в 11 часов дня, а ужинать шли в 6 часов вечера [26, л. 6 об.]. Судя по обзору губернии за 1903 г., арестанты выводились на очистку улиц и садов, пилку дров, кошение сена, а также на

«земельные работы» [12, с. 56]. По данным на 1914 г. во всех тюрьмах губернии местное начальство успешно организовало «правильный арестантский труд». Своеобразные артели заключенных создавались для выполнения за определенную плату «частных работ и заказов как внутри тюрьмы, так и вне ее». В частности, арестанты работали на открытом при Петрозаводской тюрьме кирпичном заводе (ежедневно на нем занято от 22 до 30 человек). В 1912 г. при той же тюрьме был организован «ассенизационный обоз». Для его обслуживания на пользу горожан и с целью улучшения состояния городского благоустройства каждый день усердно трудилось от пяти до восьми человек [16, с. 67].

В целом имеющиеся данные показывают, что в начале XX в. положение дел в тюремной сфере существенно не изменилось. Новшеством стал лишь рост числа заключенных. Как указывалось в обзоре Олонецкой губернии за 1908 г., наиболее значительное число перебывавших арестантов отмечалось в четырех тюрьмах: Петрозаводской, Олонецкой, Вытегорской и Лодейнопольской. Относительная многочисленность заключенных объясняется тем, что тюрьмы находятся на «главном тракте Петрозаводск-Санкт-Петербург», по которому осуществляется основное передвижение арестантов. Особенно много заключенных перебывало в Петрозаводской тюрьме. Здесь причиной увеличения численности арестантов стало регулярное передвижение политических ссыльных в пределах губернии для водворения на места отбывания срока ссылки. В связи с заметным ростом числа осужденных, прежние камеры-мастерские в тюрьме губернского города по необходимости стали временными помещениями для арестантов. Обыкновенные тюремные работы производились непосредственно в самих арестантских камерах, переполненных заключенными. Сразу возникли существенные трудности. Судя по отзыву руководителя тюрьмы, такое положение дел «весьма неблагоприятно» отражалось на ходе работ по изготовлению одежды для арестованных, «каковая готовится для всех тюрем губернии в петрозаводской тюрьме» [15, с. 44-45]. На пропитание арестантов регулярно

выделялись казенные средства. Определенную часть расходов, связанных с содержанием мест заключения, несло местное земство. При тюрьме существовало подсобное хозяйство, являющее подспорьем в организации питания заключенных. Как указывалось в обзоре губернии за 1904 г., овощи заключенные получали «со своих тюремных огородов, возделываемых самими же арестантами» [13, с. 43].

Во всех остальных сферах деятельности пенитенциарной системы особых изменений не происходило. Как указывалось в отчете о состоянии Олонецкой губернии за 1914 г., «тюремные здания, специально оборудованные для этой категории мест заключения», имеются только в пяти городах губернии: в Петрозаводске, Олонце, Лодейном Поле и Каргополе. В городах Пудоже и Повенце «подследственные и пересыльные арестанты содержатся временно до их осуждения или дальнейшей отсылки в арестных помещениях при местных полицейских управлениях» [16, с. 68]. Статистика показывает, что «численный состав тюремного населения» существенно возрос по сравнению с XIX в. В 1902 г. в тюрьмах и арестантских помещениях губернии в разное время содержалось 1210 человек (1030 мужчин и 180 женщин) [11, с. 50]. В течение 1914 г. в тюрьмах содержался 2106 заключенный (2051 мужчина и 55 женщин) [16, с. 34].

Успешное ведение тюремного хозяйства, а также иные меры, направленные на улучшение деятельности городской полиции, не спасали от беспорядков, в той или иной мере связанных с функционированием местной пенитенциарной системы. Полиции неоднократно приходилось сталкиваться с народными волнениями, происходящими как в самих тюрьмах, так и в непосредственной близости от них. Как видно из рапорта петрозаводского полицмейстера, стражам порядка в сентябре 1906 г. пришлось бороться с радикальными действиями граждан, недовольных существующим режимом. Незадолго перед отправкой очередной группы политических ссыльных из Петрозаводской тюрьмы у ее ограды начали скапливаться «кучки народа». Собравшиеся то расходились, то опять появлялись в разных местах около

тюремной площади. После наступления темноты вдруг возникла «разнузданная толпа» неизвестных лиц. Они пели революционные песни и громко выкрикивали угрозы в адрес стражников. Никакие предупредительные меры, предпринимаемые полицией, на толпу не действовали. Она не расходилась и все более и более вела себя вызывающе. Наконец, противостояние достигло кульминации. Собравшиеся начали бросать камни в полицейских, затем из толпы раздались револьверные выстрелы. После трехкратного предупреждения стражники «произвели залп» и толпа разбежалась. Из-за заборов слышались ответные выстрелы из револьверов и ружей. Шальные пули пролетали мимо голов стражников и городских, но случайно ранили одного оказавшегося на месте событий зеваку-мещанина [25, л. 25-26].

Новые условия, возникшие в начале XX в., обострение социальных противоречий самым заметным образом влияли на тюремный быт. В период революционных потрясений разрушение пенитенциарной системы, сложившейся в имперский период российской истории, происходило в быстром темпе. Деструктивный процесс подстегивался циркулярами, поступающими от нового начальника главного тюремного управления начиная с марта 1917 г. Как указывалось в одном из документов, теперь «главная задача наказания – перевоспитание человека», а не возмездие за совершенные им преступления. По мнению нового руководства, собственная вина осужденных в совершении противоправных деяний минимальна. Ведь они «имели несчастье впасть в преступление» в силу особенностей своего характера или неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств. По этой причине «личное достоинство человека, ставшего гражданином, должно быть признаваемо и в отношении того, кто лишен свободы». Отсюда принимались серьезные кадровые решения, поскольку тюремный персонал был воспитан в атмосфере «бесправия и неуважения к человеческой личности» и царские тюремщики слишком хорошо усвоили «навыки прежнего строя» [24, л. 11].

С одной стороны, прежние служащие должны быть признаны «в общем малопригодными для осуществления тех задач внутреннего тюремного

переустройства, которые настоятельно выдвигаются условиями обновленного государственного строя и свободной общественной жизни». С другой стороны, «для занятия должностей по управлению местами заключения должна требоваться, подобно тому, как и во всякой деятельности, специальная подготовка». Ею «нынешний тюремный персонал почти не обладает».

Актуальной задачей новой власти стала подготовка кадров для тюремной системы. Предполагалось открытие краткосрочных курсов тюремоведения. Еще одной существенной задачей для обеспечения стабильной работы пенитенциарной системы стало забота о судьбах лиц, освободившихся из мест заключения. В записке начальника Главного тюремного управления подчеркивалась необходимость обязательно заняться профилактикой рецидива преступности. «Тюремное воспитание», даже хорошо организованное, «само по себе не может надлежащим образом выполнить своей задачи, если не будет принято никаких мер попечения о дальнейшей судьбе лиц, отбывших наказание». Индивид, освобожденный из тюрьмы, но не адаптированный в изменившемся обществе, может «сразу опуститься и погибнуть». Столь печальный финал процесса исправления произойдет и в том случае, если бывшему заключенному «не будет оказана своевременная поддержка в той или иной форме» [24, л. 11-12].

Итак, основной тенденцией в развитии пенитенциарной системы в Олонецкой губернии стало постепенное формирование системы тюрем, действовавших на основании имперского законодательства. Характерными чертами их повседневной жизни стало широкое привлечение осужденных к труду на благо общества, который расценивался и как средство перевоспитания, и как дополнительная предпосылка ускоренной социальной адаптации после отбывания срока тюремного заключения.

Список литературы:

1. Дементьев С.И. Классификация заключенных в тюремных учреждениях: опыт дореволюционной России // *Общество и право*. 2012. № 2 (39). С. 312-319.
2. Доклад старшего советника Олонецкого губернского правления Филонова по вопросу о составе тюремной администрации и стражи в тюрьмах Олонецкой губернии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68/1659. Л. 46-49.
3. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802-1917 годы (Историко-правовое исследование). М.: Наука, 1983. 149 с.
4. Журнал Петрозаводского уездного суда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 1. Д. 2/36. Л. 3.
5. Журнал присутствия Олонецкого губернского правления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3/440. Л. 45-46.
6. Копытов Ю.Г. Тюрьма как социальный институт // *Пробелы в российском законодательстве*. 2009. № 1. С. 62-64.
7. О новом тюремном замке в городе Петрозаводске // *Олонецкие губернские ведомости*. 1862. № 50. С. 133-134.
8. Обзор Олонецкой губернии за 1892 год. Петрозаводск, 1893. 46 с.
9. Обзор Олонецкой губернии за 1893 г. Петрозаводск, 1894. 64 с.
10. Обзор Олонецкой губернии за 1894 год. Петрозаводск, 1895. 50 с.
11. Обзор Олонецкой губернии за 1902 г. Петрозаводск, 1903. 62 с.
12. Обзор Олонецкой губернии за 1903 год. Петрозаводск, 1904. 58 с.
13. Обзор Олонецкой губернии за 1904 г. Петрозаводск, 1905. 52 с.
14. Обзор Олонецкой губернии за 1905 год. Петрозаводск, 1906. 52 с.
15. Обзор Олонецкой губернии за 1908 г. Петрозаводск, 1909. 66 с.
16. Обзор Олонецкой губернии за 1914 год. Петрозаводск, 1915. 52 с.
17. Остапенко П.И. Проблемы использования труда осужденных в тюрьмах Кубанской области 2-й половины XIX в. // *Вестник Владимирского юридического института*. 2008. № 1 (6). С. 258-259.

18. Отчет вытегорского городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 147-149.
19. Отчет олонецкого городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 51-52.
20. Отчет петрозаводского полицмейстера за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 4-6.
21. Отчет повенецкого городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 276-277.
22. Отчет пудожского городничего за 1850 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 278–280.
23. Показания исправника Федорова Рудникова по делу о побеге арестантов из олонецкой тюрьмы // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 1. Д. 40/341. Л. 151 об.
24. Приказы начальника Главного тюремного управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109/2958. Л. 11-12.
25. Протоколы Олонецкого губернского жандармского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 31/7. Л. 25 об.-26.
26. Рапорт начальника Каргопольской тюрьмы Каргопольскому уездному исправнику // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 4. Д. 27/483. Л. 6 об.
27. Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879-1910 гг. В 2 ч. Ч. 1. 1879-1895. СПб., 1911. 326 с.
28. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Изд. 1890 г. // Свод законов Российской империи: в 16 т. СПб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», 1912. Т 14. С. 148-227.
29. Тихомиров Е.В. Участие православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 81-85.
30. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Издательская фирма «Ad marginem», 1999. 460 с.

31. Чунихин В. О кадрах тюремных служащих // Тюремный вестник. 1903. № 2. С. 189-194.

32. Шебалков С.В. Тюрма в России в конце XIX – начале XX века и ее исправительное значение // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 111-120.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.